

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 4 (85). С. 84–97.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 4 (85):84–97.

Научная статья

УДК 821.161.1-31.09"17"

DOI 10.37724/RSU.2024.85.4.010

Литературный генезис мотивно-сюжетного комплекса любвиной беллетристики позднего сентиментализма (на примере рецепции повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза»)

Анна Анатольевна Решетова¹, Татьяна Борисовна Рынгач²

¹ Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, Россия

² Школа № 39 «Центр физико-математического образования», Рязань, Россия

¹ a.reshetova@365.rsu.edu.ru

² tarasulka1993@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются сентиментальные повести рубежа XVIII–XIX веков, написанные по образцу «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина. Тексты В. В. Измайлова, Г. П. Каменева, И. И. Мартынова, А. Е. Измайлова, П. Ю. Львова, М. В. Милонова и др. до начала XXI века относились литературоведами к разряду массовой, низовой литературы, а потому были мало изучены. Авторы статьи обращаются к проблеме генезиса мотивно-сюжетного комплекса любовных повестей-рецепций, формирования их событийной схемы. Выявляется, что сюжет карамзинской повести варьировался представителями позднего сентиментализма с помощью нанизывания на него разных по происхождению мотивов. На сложившуюся сюжетную схему несчастной любви повлияли традиции европейского повествования (сочетание мотивов сентиментальной европейской прозы, поэзии (идиллической и пасторальной), драматургии (комической оперы)) и русской рукописной повести XVII–XVIII веков (варьирование нарратива сказочными мотивами, мотивами любовно-авантюрного, куртуазного и рыцарского романа, перешедшими в сентиментальную беллетристику посредством оригинальных и переводных текстов). Объектом анализа в статье стал комплекс мотивов, объединенных любовной сюжетной схемой и заимствованных из разного рода литературных источников: мотив несчастной любви; любви, трагизм которой — в сословном неравенстве и социальной принадлежности любящих; мотив сентименталистской драматичной смерти/самоубийства главной героини и, в качестве сюжетного «противовеса», идиллические мотивы добродетельных героев-помещиков, способствующих счастливому финалу; мотив скорби у могилы любимой, связанный с образом меланхолического повествователя; трагические мотивы прощального письма, болезни от любви, похищения главной героини и клеветы на нее и т. п. Результаты проделанного исследования имеют как практическое применение (в формате образовательной практики студентов и аспирантов-филологов), так и теоретическое значение. Анализ взаимодействия европейского сентиментализма и отечественной рукописной повести, оригинальной и переводной, в мотивно-сюжетном комплексе рецептивных произведений, ориентированных на образец «Бедной Лизы» Карамзина, приводит к более полному представлению о характере трансформации жанра сентиментальной повести и его роли в дальнейшем формировании русской беллетристики.

Ключевые слова: любовная беллетристика рубежа XVIII–XIX веков, сентиментальная повесть, Н. М. Карамзин, «Бедная Лиза», А. Е. Измайлов, В. В. Измайлов, Г. П. Каменев, П. Ю. Львов, П. И. Шаликов, «срединная культура», рецептивная повесть, европейская традиция, рукописная повесть XVII–XVIII веков, мотивно-сюжетный комплекс, поэтика сюжета.

Для цитирования: Решетова А. А., Рынгач Т. Б. Литературный генезис мотивно-сюжетного комплекса любовной беллетристики позднего сентиментализма (на примере рецепции повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза») // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 4 (85). С. 84–97. DOI: 10.37724/RSU.2024.85.4.010.

Original article

Literary genesis of the motive and plot complex in love fiction of late sentimentalism (on the example of the reception of N. M. Karamzin's story *Poor Liza*)

Anna A. Reshetova¹, Tatyana B. Ryngach²

¹ Ryazan State University named for S. A. Yesenin, Ryazan, Russia

² Secondary School no. 39 "Center for Physical and Mathematical Education" Ryazan, Russia

¹ a.reshetova@365.rsu.edu.ru

² tarasulka1993@mail.ru

Abstract. The article analyzes sentimental tales of the turn of the 18th–19th centuries that followed the model of N. M. Karamzin's *Poor Liza*. The fiction works of V. V. Izmaylov, G. P. Kamenev, I. I. Martynov, A. E. Izmaylov, P. Y. Lvov, M. V. Milonov and others were considered by literary critics as mass literature until early 21st century, and little research was done on them. The authors of the article address the problem of the genesis of the motive and plot knots of love stories and the formation of their plot-lines. It is revealed that the plot of Karamzin's novella was further modified by authors of late sentimentalism who added to it motives of different origins. The initial plot scheme of an unhappy love was influenced by various traditions of European narrative (a combination of motives from sentimental European prose, poetry (idyllic and pastoral), and drama (comic opera)) and Russian manuscript fiction of the 17th and 18th centuries (combining the narrative with fairy-tale motives, motives from love-adventurous, courtesan, and chivalric romance, which entered sentimental fiction through original and translated texts). The object of analysis in the article is a complex of motives united by the love plot scheme and borrowed from various literary sources: The motive of unhappy love; love, the tragedy often based on class inequality of the lovers; the motive of sentimentalist dramatic death/suicide of the heroine and, as a counterweight, idyllic images of virtuous and benevolent landlords contributing to the happy ending; grief at the grave of the beloved, associated with the image of the melancholy narrator; the tragic farewell letter, love sickness, kidnapping of the heroine and slander against her, etc. The results of the conducted research have both practical application (in educational practice with undergraduate and graduate students of philology) and theoretical significance. The analysis of interaction between European sentimentalism and Russian manuscript fiction, original and translated, in the motive and narrative complex of receptive works, focused on the model of Karamzin's *Poor Liza*, contributes to understanding the transformation of the genre of sentimental novella and its role in the further formation of Russian fiction.

Keywords: love fiction at the turn of the 18th–19th centuries, sentimental novella, N. M. Karamzin, *Poor Liza*, A. E. Izmaylov, V. V. Izmaylov, G. P. Kamenev, P. Y. Lvov, P. I. Shalikhov, "mainstream culture," receptive tale, European tradition, manuscript narratives of the 17th–18th centuries, motive and plot complex, poetics of the plot.

For citation: Reshetova A. A., Ryngach T. B. Literary genesis of the motive and plot complex in love fiction of late sentimentalism (on the example of the reception of N. M. Karamzin's story *Poor Liza*). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2024; 4 (85):84–97. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.85.4.010.

Введение

Повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», опубликованная в 1792 году в «Московском журнале» и ставшая образцом русской сентиментальной прозы, обрела феноменальную популярность не только в читательской аудитории, но и в современной автору писательской среде. С 1795 года и до 20-х годов XIX века в России одно за другим появляются многочисленные подражания, объединенные темой несчастной любви: «Ростовское озеро» В. В. Измайлова (1795), «Софья» Г. П. Каменева (1796), «Парамон и Варенька» И. И. Мартынова (1796), «Бедная

Маша» А. Е. Измайлова (1801), «Даша, деревенская девушка» П. Ю. Львова (1803), «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор» В. В. Измайлова (1804), «Инна» Г. П. Каменева (1804), «История Бедной Марьи» М. В. Милонова (1805), «Несчастливая Лиза» неизвестного автора (1810), «Темная роща, или Памятник нежности» П. И. Шаликова (1819) и др. Легкая для восприятия (по сравнению с бытовавшими ранее романскими формами), написанная доступным изящным языком без включения книжной и архаичной лексики, отвечающая стилистике и философии сентиментализма, «Бедная Лиза» стала настоящим открытием для литературы того времени, в том числе благодаря любовной беллетристике, созданной под влиянием карамзинской повести и в контексте европейской сентименталистской традиции (об актуальности звучания творчества Карамзина см.: [Егерев, 2023]).

Несмотря на подражательную природу, поздняя сентименталистская беллетристика не осталась без исследовательского интереса, вызванного потребностью вписать ее в историко-литературный контекст эпохи. Впервые к ее анализу обратился В. В. Сиповский в конце XIX — начале XX века, связав подражания с произведениями Гёте, прежде всего имея в виду «Страдания юного Вертера» (см.: [Сиповский, 1909, с. 520–621]). На компилятивный характер повестей указал П. А. Орлов, уверенно сравнив их уже не с романом Гёте, а с повестью Карамзина — «визитной карточкой» сентиментализма (см.: [Русская сентиментальная повесть, 1979, с. 258]). И. А. Гурвич отнес сентиментальную прозу карамзинистов к «низовой» литературе, акцентировав внимание на «регламентирующей» функции текстов, поскольку, по его мнению, авторы, «тиражирующие» схему, созданную Карамзиным, в известной мере способствовали движению литературы вперед, приближая смену литературных направлений (см.: [Гурвич, 1991, с. 6]). И уже в конце XX века в связи с разработкой концепции «позднего сентиментализма» А. Н. Пашкуров и А. И. Разживин обозначили данные произведения как самодостаточные, ориентированные на сюжет «Бедной Лизы», однако имеющие иные художественные задачи (см.: [Пашкуров, Разживин, 2011, с. 241]). Вопрос о происхождении и об источниках данных повестей, связанный с их рецептивной природой, так или иначе неоднократно поднимался в исследованиях разных лет и был связан со стремлением ученых обозначить специфику беллетристической литературы этой эпохи, которая имела неоспоримые достоинства и принципиальные отличия и занимала «второй» ряд — «срединное пространство» между классикой и литературным «низом», массовой литературой (по теории «триады» М. А. Черняк, см.: [Черняк, 2007, с. 18]).

В связи с этим безусловный интерес представляет, прежде всего, процесс рецепции («культурного освоения») в повестях конца XVIII — начала XIX века нарратива «Бедной Лизы», закреплённого в качестве образцового для жанра сентиментальной повести в России. При этом сама повесть Карамзина, отличающаяся особыми доверительными интонациями общения с читателем, как и другие сентиментальные произведения автора, со временем «в силу их художественных достоинств стала считаться классикой, а не беллетристикой», подтверждая феномен перемещения текстов внутри пирамиды «классика — беллетристика — массовая литература» (см.: [Кленова, 2015, с. 689]).

Немаловажно для понимания повестей «карамзинистов» и то, что процесс рецепции стал основой беллетризации в жанре сентиментальной повести, ее ориентации на широкую читательскую аудиторию, а также проблема нахождения произведений в «пограничном» статусе — в «переходной зоне», тяготеющей одновременно к двум уровням: классике и беллетристике или беллетристике и массовой литературе. При этом учитывается, что в рамках единого творческого процесса вполне возможно удачное совмещение «беллетристичности», обеспечивающей «успокоительную устойчивую опору и вводящей содержание литературы в границы “усредненного” сознания», и «классичности», постоянно расширяющей границы человеческого сознания, выводящей «человеческое сознание за грань известного или доступного» (цит. по: [Маркович, 1991, с. 60]).

Обращение к проблеме генезиса и выявления источников позволяет осознать и специфику формирования «срединного поля» русской литературы — беллетристики, которая, будучи «срединной» сферой литературного творчества, «соприкасается и с “верхом”, и с “низом” литературы» (цит. по: [Литературная энциклопедия ... , 2001, стб. 79]): и с классическими произведениями, и с сочинениями тривиальной литературы (см.: [Гурвич, 1991, с. 6]). Именно этот пласт литературы представляют повести, впечатлившие современников, а также читателей и исследователей последующих эпох, рецептивными связями, прежде всего, с сюжетом «Бедной Лизы» Карамзина и европейской сентименталистской традицией.

Методологически анализ нарративов любовных повестей позднего сентиментализма в данной статье опирается на разработку понятия мотива, который понимается, согласно А. Н. Веселовскому, как простейшая повествовательная единица (семантическая единица), как образная повествовательная формула, закреплённая в традиции и конструирующая такие аспекты повествования, как сюжет и фабула (см.: [Веселовский, 1989, с. 301]). Мотив обуславливает сюжетное развитие, обладая, в свою очередь, дуальной природой: как единица художественного языка, наделённая обобщённым значением, и как единица художественной речи, наделённая конкретной семантикой, коррелирующей с фабульным действием, персонажами, обстановкой и пр. Говоря о дихотомии данной нарративной единицы, литературоведы в любом мотиве выделяют его семантический инвариант и различные фабульные варианты. Все эти варианты уже предполагают разложимость мотива на компоненты (как, например, основного в повести Карамзина) и возможное чередование этих компонентов в составе мотива (как, например, в рецептивных повестях, созданных по следам «Бедной Лизы»). Таким образом, мотивы приобретают содержание лишь через связь с другими мотивами и получают осознанную семантику только в контексте; именно мотивы в силу своей природы репрезентируют смыслы и связывают тексты в единое смысловое пространство. В свою очередь, сюжеты как комплексы мотивов поддерживают национальную специфику литературы в течение столетий, поскольку, «зарождаясь и видоизменяясь в новых обстоятельствах, они сохраняются веками, в отличие от таких важных черт, как язык и идеи, которые меняются со временем и делаются непонятными другим поколениям» (цит. по: [Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы, 2012, с. 14]).

Таким образом, актуализированные в современных исследованиях вопросы рецепции и генезиса беллетристических повествовательных форм в русской литературе, связанные с проблемой формирования «срединного поля» отечественной словесности, обусловили и научное освоение исследовательского материала конца XVIII — первых десятилетий XIX века, представленное в данной работе. В центре внимания — «семантические инварианты» мотивного комплекса в сентиментальных повестях, рецептивно связанных с сюжетом «Бедной Лизы» Карамзина, традиции, повлиявшие на их генезис. В качестве предмета исследования выделяем наиболее часто повторяющиеся компоненты нарратива, введенные авторами в сентиментальную повесть: описание места действия и представление повествователя — история, услышанная повествователем, в которую включены мотивы встречи / влюбленности / препятствия на пути влюбленных, социального неравенства / измены / предательства / роковых обстоятельств — смерть героини / героя / обоих влюбленных — описание места захоронения. При этом первое и последнее звенья в этой повествовательной цепочке почти неизменно присутствовали во всех рецептивных повестях. В связи с этим анализируется следующий комплекс мотивов, объединённых обозначенной сюжетной схемой и заимствованных из разного рода литературных источников, таких как: мотив несчастной любви; любви, трагизм которой обусловлен сословным неравенством и социальной принадлежностью любящих; мотив сентименталистской драматичной смерти/самоубийства главной героини и, в качестве сюжетного «противовеса», идиллические мотивы добродетельных героев-помещиков, способствующих счастливому финалу; мотив скорби у могилы любимой, связанный с образом меланхоличного повествователя; трагические мотивы прощального письма, болезни от любви, похищения главной героини и клеветы на нее и т. п. Цель представленного в статье анализа — определить европейскую и переводную традиции в формировании мотивно-сюжетного комплекса сентиментальной любовной беллетристики рубежа XVIII–XIX веков, рецептивно связанной с повестью Карамзина «Бедная Лиза».

Основная часть

Европейская сентименталистская традиция в формировании мотивно-сюжетного комплекса русской любовной повести конца XVIII — XIX века

В порубежную эпоху сентиментальные повести В. В. Измайлова, Г. П. Каменева, И. И. Мартынова, А. Е. Измайлова, А. И. Клушина, П. Ю. Львова, М. В. Милонова, П. И. Шаликова, В. В. Попугаева и неизвестных авторов, написанные по образцу «Бедной Лизы» Карамзина, были данью признания школы русского сентиментализма и сентименталистской традиции в европейской

культуре, свидетельством популярности как «Бедной Лизы», так и сентиментальной повести в целом. Появляясь в различных журналах и альманахах («Новости русской литературы», «Санкт-Петербургский Меркурий», «Приятное и полезное препровождение времени», «Патриот», «Журнал российской словесности», «Талия», «Аглая» и др.), реже — отдельными изданиями, они рассматривались читателями как подражания «Бедной Лизе» и как логичное продолжение сентиментальной повествовательной традиции.

Однако в сюжетно-мотивном комплексе, а также связанной с ним структурно-композиционной и стилистической организации самых ранних рецепций уже происходили интересные изменения, отражавшие не только развитие жанра, но и его трансформацию под влиянием разных тенденций и традиций в европейской и отечественной литературе. Прежде всего, в них проявляется сюжетно-мотивный тип рецепции (компиляция разнородных по происхождению мотивов и связанных с ними образов без прямой отсылки на источники заимствования в рамках традиционной сюжетной схемы сентиментальной повести), при этом чаще всего она сопровождается изменением идейного содержания текстов. Такая природа трансформации мотивирована развитием поздней сентиментальной беллетристической прозы.

Нарративная схема рецептивных повестей: «встреча — влюбленность — разлука из-за социального неравенства — гибель героя(ев)» — во многом определена Карамзиным в повести «Бедная Лиза», а также сопряжена с сюжетно-мотивным уровнем европейских романов Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», И. В. Гёте «Страдания юного Вертера». Черты, объединяющие данные тексты: просветительский пафос внесловной ценности человека, актуальная тема социального неравенства, воплотившаяся в конфликте произведений, «чувствительность» как комплекс простоты, естественности и эмоциональности в изображении природы и внутреннего мира человека» (цит. по: [Кафанова, 2017, с. 155]), бинарная система персонажей, в обеих сторонах которой — «проблемные» герои, прописанные ярко и полно с помощью психологической детали, психологического пейзажа, введение в ткань повествования активного, сопереживающего повествователя, привносящего в текст эффект «свидетельства», указывающего точную хронологию событий и создавшего особую атмосферу присутствия (см.: [Топоров, 1995]), — сделали их в глазах читателей не просто литературными произведениями, а многовариантным воплощением истинно произошедшей истории.

Соединение европейской и отечественной традиции в процессе генезиса любовных повестей-рецепций рубежа столетий далеко неслучайно. Об этом свидетельствуют «широкая осведомленность в западноевропейской словесности», «переводческие и переложительские техники и стратегии», комплекс переводов «как культурный универсум» Карамзина и последователей его школы, которые позволяли устремлять русскую литературу в определенном направлении, приобщать русского читателя к произведениям, определяющим «знаковость» всемирной литературы, активно вводить их в отечественный литературный обиход (см.: [Кафанова, 2017, 2020 ; Лаппо-Данилевский, 2021]).

Наиболее плодотворным для определения генезиса и источников любовных повестей в русской литературе позднего сентиментализма является обращение к мотиву несчастной любви, формирующему нарратив сентиментального текста данного типа и, соответственно, последующих его рецепций. Поскольку русская любовная беллетристика XVIII века не имела богатого опыта развития в предшествующую литературную эпоху, она целенаправленно была сориентирована на западноевропейские источники, с помощью литературных переводов направлена на восполнение «пробела» в неизвестных до этого этико-эстетических представлениях о чувстве, чувствительности и любви. Примером тому может служить перевод В. К. Тредиаковским романа Поля Тальмана «Езда в остров Любви», вышедший в Санкт-Петербурге в 1730 году, а впоследствии переведенные для русской публики романы европейских авторов, чье творчество повлияло на становление сентиментализма в России (Ж.-Ж. Руссо, И. В. Гёте, С. Ричардсона, Л. Стерна) и сюжеты которых русские писатели охотно переносили на национальную почву. Неудивительно, что русский сентиментализм, сформировавшийся позже европейского, в 60-е годы XVIII века, начался именно с жанра сентименталистского романа («Письма Эрнеста и Доравры» (1766) Ф. А. Эмина, «Роза» (1788) и «Игры судьбы» (1789) Н. Ф. Эмина, «Российская Памела, или История Марии, добродетельной поселянки» (1789) П. Ю. Львова), а далее сентименталистской любовной повести («Бедной Лизы» Карамзина и ее рецептивных воплощений).

Мотив несчастной любви, любви, трагизм которой очевидно обусловлен сословным неравенством и социальной принадлежностью любящих, прослеживается в европейской традиции не только в области романного творчества, повлиявшего на сентиментальную повесть, но связан и с мотивным комплексом сентименталистской и предромантической идиллии, пасторали и комической оперы. Так, еще до появления «Бедной Лизы» Карамзина П. Ю. Львовым была написана одна из первых сентиментальных повестей — «Роза и Любим» (1890). Явная ориентация исследуемого жанра на европейские образцы сентиментализма наблюдается уже в этом образце любовной беллетристики, в котором писатель обратился к двум жанровым источникам: идиллии и комической опере. Первую из них называет сам автор: «“Рахель и бог Мезопотамии”, прекрасная идиллия г. Шмитта, была началом или причиной сей сельской повести» (цит. по: [Русская сентиментальная повесть, 1979, с. 33]). Львов переносит в произведение характерную для идиллии Шмитта нарративную единицу — разговор молодой девушки с невидимым возлюбленным. Сюжет сентиментальной повести Львова дополняется беседами Любима с отцом, напоминающими повествовательные формулы популярных в России конца XVIII века идиллий швейцарского сентименталиста Соломона Геснера, прославлявших родительскую любовь и сыновью преданность, которая в том числе распространялась на отношения помещиков и крестьян, ему принадлежавших. С пасторальным жанром повесть «Роза и Любим» объединяет еще один идиллический композиционный компонент, связанный с основным мотивом: описание деревенского праздника по случаю дня рождения Добролюбы — матери Розы, где дружно веселятся и бедные поселяне, и богатый помещик.

Другим источником повести Львова стала комическая опера, воплощающая мотив добродетельного героя — богатого помещика, на что указывают введенные в произведение две арии из иностранных опер и название, дающее отсылку на оперу Н. П. Николева «Розана и Любим». Однако николевский сюжет подчинил себе европейский идиллический инвариант любовного мотива: барин, развратник и насильник заменен в повести гуманным и щедрым помещиком, а притеснителем крестьян становится староста, решивший в корыстных целях сдать главного героя в рекруты. Спасает влюбленных все тот же добродетельный помещик, приказавший освободить жениха, а старосту заковать в кандалы — от жанра идиллии в сюжетную схему «проникает» счастливый финал.

Подтверждается данное наблюдение об источниках уточнением, что в ряде повестей воспроизводятся не только фабульные компоненты идиллии, но и художественные образы, связанные с этим мотивом. Так, повесть И. И. Мартынова «Парамон и Варенька» (1796), в которой молодые люди погибают от удара молнии, «имеет сюжетные параллели со вставной новеллой Томсона о Селадоне и Амелии (возлюбленная умирает от удара молнии в объятиях героя) и, особенно, с восьмой идиллией Н. Ж. Леонара (1775, от молнии гибнут оба героя)» (цит. по: [Курышева, 2017, с. 18]).

Неслучайно, нужно заметить, одна из сентиментальных повестей В. В. Измайлова, «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор», является трансформацией нарратива не только карамзинской «Бедной Лизы», но и львовской «Розы и Любима». Об этом говорит также воплощение европейской традиции, в первую очередь идиллический характер отношений главных героев и счастливый финал, заимствованные из повести Львова. Л. А. Курышева, рассматривая взаимосвязь западноевропейских образцов с сюжетно-мотивным уровнем сентиментальной повести, утверждает: «персонажная расстановка и типичные конфликты пасторальных жанров — перипетии взаимоотношений пастухов и пастушек — стали отправной точкой для сюжетов целой группы сентиментальных повестей о несчастливой любви» [Курышева, 2017, с. 19]. Так, в ряду рецепций выделяется повесть, событийная схема которой изменена сильнее всех прочих. Счастливая концовка измайловской повести, подсказанная нарративной схемой европейских жанров, заменяет в данном случае структурное звено с гибелью персонажей. Идиллическая картина открытой и чистой любви крестьян Филиппа и Татьяны лишь на время омрачается злым умыслом дворянина Мельтона похитить Татьяну. Однако завершается «благополучный» инвариант сентименталистской любовной схемы исправлением злодея, устроившего свадьбу влюбленных героев.

Европейская традиция может объяснить и сентименталистский образ повествователя, связанный с размышлениями, композиционно обрамляющими основную любовную коллизию, и описанием места действия, предваряющими сюжет. Данный нарративный компонент был привнесен в русскую сентиментальную повесть Карамзиным, а далее проник и в рецептивные

повести ряда карамзинистов, например такие как «Софья» Г. П. Каменева, «Ростовское озеро» В. В. Измайлова, «Даша, деревенская девушка» П. Ю. Львова. Так, произведение Львова начинается с размышлений рассказчика, приехавшего в родные владения, о красотах природы (описание места действия — «милая... сторона, где шумноводная Индома... течет среди тенистых рощ»), о собственном прошлом, о том, «что будет за пределами жизни сей» [Русская сентиментальная повесть, 1979, с. 62, 63]. Затем развивается собственно сентименталистское повествование: во время случайной встречи с главной героиней Дашей рассказчик становится невольным слушателем ее истории, включающей в себя устоявшиеся элементы сентиментальной повести (встреча с сыном богатой московской барыни — их взаимная влюбленность — война, разлучившая героев — смерть героя на войне). За этим следует описание смерти героини, «надорвавшейся с тоски» по любимому, и описание ее могилы, на которой чувствительный повествователь сам ставит крест.

Несмотря на общую схожесть в построении с «Бедной Лизой», идейная составляющая повести Львова меняется за счет дополнения заданных семантических инвариантов — магистральная тема любви крестьянки и дворянина здесь лишена глубокого социального конфликта, а основной конфликт в этой повести нравственный. Если Лиза видит неразрешимую проблему в том, что она и возлюбленный принадлежат к разным сословиям («Как этому стать? Он барин, а между крестьянами...» [Карамзин, 1984, с. 510]), то Даша принимает данный факт с мудрым смирением («Я знаю, что мне не суждено быть за ним; он барин, а я крестьянка» [Русская сентиментальная повесть, 1979, с. 67]). Если Эраст предает свое чувство, чтобы остаться в обществе на хорошем счету и при деньгах, то герой Львова ненамеренно прерывает свои отношения с Дашей. Внезапная смерть молодого дворянина оставляет читателям размышлять над тем, как сложилась бы судьба героев при ином развитии сюжета. Но именно благодаря этому фабульному изменению меняется идейно-тематическое наполнение рецептивной повести в целом.

Образ сентиментального меланхолического повествователя сложился под воздействием творчества английских поэтов-сентименталистов А. Поупа, Э. Юнга, Дж. Томсона, представителей «кладбищенской поэзии»: «Лирический герой “Ночных мыслей” послужил основой для создания легендарного образа старого поэта-священника, отрешенного от мирской суеты, который бодрствует ночью, размышляя о звездном небе, или бродит среди могил, проникая мыслью в тайну жизни и смерти» (цит. по: [Левин, 1990, с. 146–147]). По наблюдениям Л. А. Курышевой, именно к «Ночным размышлениям» Э. Юнга и к поэмам Оссиана могут восходить все наиболее характерные топосы сентиментальных повестей о несчастливой любви: и меланхолический колорит, и тип героя/рассказчика, и мотивный комплекс таинственных событий, трагической гибели и скорби у могилы возлюбленного/возлюбленной (см.: [Курышева, 2017]) (этот мотив может вписываться в монастырский топос сентиментальных повестей, о чем подробнее см.: [Рынгац, 2021]).

Подобный тип рассказчика присутствует в большинстве рецептивных повестей. В повести Каменева «Софья» читаем: «часто гуляя без цели, без намерения приходил я к тому плачевному месту. Слезы согревали сердце. Я начинал плакать неутешно, не зная совсем причины» (цит. по: [Русская сентиментальная повесть, 1979, с. 176]) — рассказчик приходит к могиле влюбленных у ветхой хижины снова и снова. Повествователь в повести В. В. Измайлова «Ростовское озеро» любит с «приятно растроганным сердцем» прогуливаться рядом с озером в часы, когда «шум дня теряется в тишине ночи и животворная прохлада воздуха вливает чувство в самые мрачные души», «будучи углублен в самого себя». В одну из таких прогулок он встречается еще одного героя подобного типа — «молодого человека в черном фраке, с потупленным взором, с белым платком в руках. На худом и бледном лице его напечатлены были, казалось, смертельные удары судьбы; из томных глаз, от слез померкших, исходили последние лучи жизни и чувства...». Именно тайна человека во фраке влекла рассказчика: он проследил за героем и увидел, как тот остановился у «невысокой гробницы из белого мрамора, сооруженной и слабо освещаемой тихо горящею лампадою», и «вдруг зарыдал, зарыдал так, что самая земля послышалась мне под нами стняющею, бросился на колени пред мраморным пиедесталом и закрыл платком лицо свое, как будто бы хотя удержать чрез то слезы, которые градом катились из глаз его» (цит. по: [Там же, с. 144–145]). Мотив скорби у могилы любимой, привлекающий повествователя/рассказчика как наиболее частый нарративный компонент сюжетно-мотивного любовного комплекса, прочитывается и в повести «Несчастливая Лиза» неизвестного автора, где после смерти главной героини видели «каждый день

на кладбище несчастного любовника в слезах и стенании, знакомые и любопытные подходили к нему, старались развеселить его; но он был неутешен и находился в некотором нежном помешательстве ума. С каждым, кто встречался ему, начинал говорить о предмете любви своей и горести; рассказывал свою историю самым трогательным образом, и разговор его всегда начинался и оканчивался одною Лизою» (цит. по: [Русская сентиментальная повесть, 1979, с. 303]).

Таким образом, прежде всего отмечаем, что на формирование сюжетно-мотивного комплекса любовной беллетристики рубежа XVIII–XIX веков, состоящего из разнородных по происхождению мотивов, оказала влияние европейская сентименталистская традиция: романы Ж.-Ж. Руссо, И. В. Гёте, С. Ричардсона, Л. Томпсона привнесли в русскую литературу элементы поэтизации любовного страдания, не характерного для предыдущей эпохи древнерусской литературы; идиллические пейзажи и портреты героев повести отсылают к пасторальным жанрам европейской поэзии; меланхолический тип повествователя с поэтическим воображением и чувствительным сердцем был позаимствован русской литературой у представителей «кладбищенской поэзии» (А. Поупа, Э. Юнга, Дж. Томпсона и др.). Несмотря на это, важным промежуточным звеном в преломлении европейской сентиментальной традиции для авторов рецептивных повестей явился образец «Бедной Лизы» Карамзина: с точки зрения построения сюжета и расположения мотивов в нарративной схеме именно эта повесть стала отправной точкой для анализируемой любовной беллетристики позднего сентиментализма.

***Роль рукописной беллетристики XVII–XVIII веков в генезисе
мотивно-сюжетного комплекса сентиментальной любовной повести
позднего сентиментализма***

Н. Г. Комар, рассматривая духовную традицию в формировании русской сентименталистской повести, отметила, что в основе отечественной культуры со времен Древней Руси лежала сотериологическая концепция, идея спасения вечной души человека: чувство любви мужчины и женщины не являлось предметом описания, не рассматривалось отдельно от темы семьи, той «малой церкви, главная цель которой заключается в спасении души всех ее членов» [Комар, 2017, с. 68]. Очевидно отличие такого восприятия любви и жизни от европейского, в том числе заложенного сентименталистским направлением в литературе. В то же время стоит отметить значимость переводных текстов в формировании русской традиции в любовной беллетристике рубежа XVIII–XIX веков.

Тексты с любовными перипетиями были привнесены из западноевропейской литературы, проникшей в XVII–XVIII веках в отечественную словесность посредством переводных сборников «Римские деяния», «Великое Зерцало», «Фацеции». Именно они «пополнили содержание рукописной и печатной повести, имевшей влияние на прозу рубежа XVIII–XIX веков» (цит. по: [Державина, 1965, с. 13]). Разные по происхождению мотивы, попавшие посредством переводных источников в русскую сентименталистскую литературу, сохранялись веками, трансформируясь от архаических форм к поздним. Коррективы заключались в демифологизации, дегиперболизации и наполнении конкретно-историческим содержанием; при этом явно увеличивалось количество фабульных вариантов, но семантический инвариант остался неизменен, был понятен и близок читателю любой эпохи. Механизм нанизывания мотивов, характерный для рецептивных любовных повестей, заимствован из любовно-авантюрной повести (одного из наиболее популярных жанров в широкой читательской аудитории, пользовавшегося спросом вплоть до середины XIX века, наряду с печатными изданиями распространявшегося в рукописных сборниках и лубочных изданиях). Для данной разновидности жанра типичны также ориентация на документальность, криминализацию сюжета, психологизм.

Яркий пример нарратива, основанного на нанизывании повествовательных единиц и осложненного криминализацией любовного мотива, представляет повесть А. Е. Измайлова «Бедная Маша». История любви начинается со сватовства щеголя Милова к Маше, невесте-сироте с завидным приданым, и свадьбы героев. Препятствием для Маши, ожидающей ребенка, становится отъезд мужа и тайная связь с другой девушкой в городе. Заключительная часть повествования трагического характера, включающая смерть всех участников любовного треугольника, иллюстрирует криминализацию сюжета (зарезавшая себя соперница Маши, Шарлотта, «распростертая,

вся в крови», «утопающий в крови» Милов, лишивший себя жизни перочинным ножом). В финале появляется мотив, типичный для любовно-авантюрного романа, — герой/героиня перед смертью пишет прощальные письма / исполняет арию. Например, появляется он в рукописных повестях о королевиче Декоронии, о кавалере Александре. В сентименталистской повести Измайлова Шарлотта вместо арии перед тем, как испустить последний вздох, произносит долгую речь, обращенную к Милову. Он же, лишая себя жизни, оставляет Маше прощальное письмо с покаянием. В целом при сохранении карамзинского любовного сюжета нарратив данной повести представляет собой компиляцию мотивов рукописной повести XVII века.

Нарративы сразу нескольких рецептивных повестей осложнены мотивом болезни от любви, перешедшим в русскую литературу из любовно-авантюрного и куртуазного романа через переводную прозу: «Повесть о Евграфе и Лодвиге», «Повесть о Евграфе и Александре», «Повесть о Францеле Венециане» и др. Древнерусской литературе не было свойственно поэтизирование страдания, тогда как в эпоху сентиментализма «сосредоточенность на собственных страданиях начинает восприниматься не как порок, а как добродетель, возвышающая героя» (цит. по: [Комар, 2017, с. 70]): «...бедная вдова, почти беспрестанно проливая слезы о смерти мужа своего — ибо и крестьянки любить умеют! — день ото дня становилась слабее и совсем не могла работать» [Карамзин, 1984, с. 507–508], — сказано о матери Лизы. А в повести П. Ю. Львова «Даша, деревенская девушка» после известия о гибели возлюбленного главная героиня «пришла в иступление; вместо слез она издала дикий хохот и лишилась ума; потом начала: неутешно плакать, надорвалась с тоски, слегла в постель и день ото дня разнемогалась; в девятый, роковой день, и богу душу отдала» (цит. по: [Русская сентиментальная повесть, 1979, с. 68]). Мотив болезни от любви появляется и в повести П. И. Шаликова «Темная роща, или Памятник нежности». Сюжет разворачивается вокруг двух влюбленных, Нины и Эраста. Любовь героев чиста и невинна, но счастью мешают родители, желающие найти дочери партию более выгодную, чем Эраст, у которого «была только одна его собственная прекрасная душа». Нине предъявляют ультиматум: «согласие на волю нашу или монастырь» [Там же, с. 191, 198]. Героиня соглашается на постриг; ей остается молиться о счастье любимого издалека. Такая участь возлюбленной повергает Эраста сначала в сумасшедшую ярость, затем в беспамятство и, наконец, в страшную горячку, от которой герой умирает.

Повествователь «Ростовского озера» Измайлова встречает главного героя возле стен Яковлевского монастыря, «идущего в черном фраке, с потупленным взором». «На худом и бледном лице его напечатлены были, казалось, смертельные удары судьбы; из томных глаз, от слез померкших, исходили последние лучи жизни и чувства; тяжелые вздохи, от минуты до минуты из груди его вырывавшиеся, показывали стесненное, *болезненное*, умирающее сердце» (курсив наш. — А. Р., Т. Р.; цит. по: [Русская сентиментальная повесть, 1979, с. 145]). И лишь на последних страницах повести читатель узнает причину такого увядания: молодой дворянин всей душой полюбил бедную девушку Анюту, отважился на брак с ней и был счастлив ровно до того момента, как судьба забрала ее. Со смертью жены герой «вместе с ее последним чувством лишился памяти и силы. Пришед в себя, бросил отчаянный взгляд вокруг себя, и вся природа показалась мертвою» (цит. по: [Там же, с. 157]).

Авторы переносят данный мотив на сентиментальную почву, превращая настоящую болезнь в болезнь душевную, охватывающую героев после смерти / измены / отказа любимого человека. Такой недуг, показывающий высшую степень чувствительности персонажа, иногда приводит его к смерти. Если рассматривать инвариант мотива болезни от любви как предикативную единицу, функцию персонажа, то данное переосмысление мотива — лишь изменение контекста, вариативной части сюжетного повествования, «взаимоналожение» реалий внетекстуального мира, в случае когда современная эпоха приносит новые эстетико-этические представления о душе человека, и искусственного мира — текста, откуда был заимствован мотив.

Помимо этого, в сентиментальное повествование рубежа столетий вплетается мотив похищения, характерный также для переводной любовно-авантюрной беллетристики, который обнаруживается, например, в повести Г. П. Каменева «Софья». Данный нарративный компонент встречается в таких произведениях XVII–XVIII веков, как «Повесть о Петре Златых Ключей», «История о Париже и Вене», «Повесть о Францеле Венециане», «Повесть о Евграфе и Александре», «Повесть о российском кавалере Александре». Софья, героиня одноименной повести, была влюблена в молодого крестьянина Ивана, отец уже благословил их на свадьбу. Но к соседу

отца приезжает родственник из Москвы, злой и распущенный молодой человек Евгений, который влюбляется в Софью и, не получив ответного чувства, решает похитить ее. Тенденция к нанизыванию мотивов как одна из основных особенностей, органично заимствованных сентиментальной повестью через рукописную прозу из жанровых моделей любовно-авантюрного и куртуазного романа, позволяет авторам компилировать мотивы самыми разными способами. Так, сразу за мотивом похищения, в котором злодеем оказывается вовсе не разбойник, но молодой дворянин, следует мотив мнимой смерти. Иван, увидев на месте похищения, у реки, разбросанные вещи Софьи, думает, что та утонула, и бросается в реку. Софью возвращают из плена Евгения добрые люди, но слишком поздно: Иван уже мертв.

В повествование трансформирующейся сентиментальной повести рубежа XVIII–XIX веков вплетаются и сказочные мотивы, привнесенные в русскую литературу рукописными повестями XVII века. Например, в сюжетно-мотивном пространстве повести В. В. Измайлова «Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевых гор» встречаем эпизод с оклеветанной героиней. Этот мотив Л. А. Курышева рассматривает как сказочный по своему происхождению. «Молодой знатный человек» Мельтон встречает крестьянку Татьяну и влюбляется, а точнее, «приходит в упоение от блеска ее наружной красоты». Главная героиня, в свою очередь, открыто рассказывает о своей жизни: о любящем отце Семене и о любимом женихе Филиппе, «московском мещанине». Мельтон «в знак участия» дарит девушке «кошелек, вышитый золотом и полный деньгами». Позже из-за этого случая Филипп расторгнет помолвку, а на Татьяну ополчится весь город, введенный в заблуждение клеветой «злой женщины», одной из многих завистниц дочери Семена.

Рукописная беллетристическая повесть конца XVII — начала XVIII века часто была обращена к сюжету о верной жене, к образу честной, но оклеветанной девушки, в котором можно обнаружить отражение сказочных сюжетов и образов. «Характерным для литературной трактовки темы “женской чести” в этой группе повестей является то, что в качестве “злого начала” в них, в противоположность некоторым повестям более раннего времени, выступает мужчина — то соблазнитель, то клеветник, женщина же оказывается либо искушаемой, но остающейся верно женой, либо невинно оклеветанной девушкой или женщиной, самостоятельно разоблачающей своего противника» (цит. по: [Берков, Малышев, 1953, с. 408]). Речь идет о таких произведениях, как «Повесть об оклеветанной дочери», «Повесть о Карле и сестре его Софии», «Повесть о купце, заложившемся о добродетели своей жены» и др., сюжетными источниками которых можно назвать, например, сказки № 313 («Данило Бессчастный») и № 314 («Василий-царевич и Елена Прекрасная») из афанасьевского сборника (см.: [Афанасьев, 1985, т. 2]).

Именно этот семантический инвариант «оклеветанная героиня» и сохраняет в своей повести В. В. Измайлов, хотя обрамление мотива им было изменено. Героями афанасьевских сказок № 336–337 (одноименные тексты «Оклеветанная купеческая дочь») (см.: [Афанасьев, 1985, т. 3]), в которых исследователями и обнаружены корни мотива, являются дворяне (царь, царевич, генерал) и купцы (купчески сын, его сестра). «Сказки эти сложились в купеческой среде и отразили соперничество господствующих классов петровской России» (цит. по: [Берков, Малышев, 1953, с. 411]). Однако вслед за Карамзиным, опирающимся на традиции сентиментализма, автор «Прекрасной Татьяны» противоборствующими сторонами делает дворян (Мельтон) и крестьян (Татьяна, Филипп). Компоненты мотива также изменены: доказательством измены становится не именной перстень («Повесть о Карле и сестре его Софии»), а кошелек, подаренный Татьяне. Вспомним мотив денег, который сопровождает сюжетную канву в карамзинской повести «Бедная Лиза» (сюжетные компоненты: попытка Эраста заплатить больше предложенной цены за ландыши, положенные Эрастом в карман Лизы сто рублей при их последней встрече). Следуя логике повести-образца, автор рецептивного произведения меняет перстень на кошелек.

Таким образом, одним из устойчивых мотивных источников любовной беллетристики стали народная сказка (в частности, мотив оклеветанной героини) и древнерусская рукописная повесть XVII–XVIII веков: мотивы болезни от любви и похищения были перенесены из таких текстов, как «Повесть о Евграфе и Лодвиге», «Повесть о Евграфе и Александре», «Повесть о Францеле Венециане» и др.

Возникновение и развитие беллетристики в целом и любовной в частности можно связать с развитием сюжетного повествования, характеризующегося динамическим развертыванием событий, сюжетной занимательностью. Применение подобных приемов построения текста встречается в самых ранних древнерусских переводных памятниках (XI–XIII веков); в дальнейшем произойдет

усиление роли сюжетных элементов в историческом повествовании и житийной литературе XIV–XV веков; появление оригинальной беллетристики на Руси во второй половине XV века; взаимопроникновение средневековых европейских и фольклорных сюжетов, мотивов и образов в повести XVII столетия — так, на основе тесной связи с древнерусской оригинальной и переводной книжностью, формировались истоки беллетристической повести конца XVIII — начала XIX столетия. Неслучайно значимость любовной беллетристики позднего сентиментализма определяется не только тем, что она приобретает новую форму бытования, популярность в читательской среде, выходит на рынок книжной продукции, но и тем, что она подключается к литературному процессу, вступает в диалог с многообразными повествовательными традициями.

Заключение

Задача определения литературного генезиса мотивно-сюжетного комплекса любовной беллетристики в русской литературе позднего сентиментализма привела к выводу о том, что повесть Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» и феномен ее популярности послужили толчком для появления на рубеже XVIII и XIX столетий целого ряда рецептивных текстов, в различной степени трансформирующих оригинальный нарратив карамзинского произведения, сводимый к общей схеме «встреча — влюбленность — разлука из-за социального неравенства — гибель героя(ев)». Рецептивные повести поздних сентименталистов являются типологической разновидностью сентиментальной повести; возможно, не всегда совершенные в художественном плане, они нарушают жанровую составляющую, дополняют нарратив «Бедной Лизы» Карамзина, активно используют мировые сюжетно-мотивные комплексы, заимствованные русской сентиментальной прозой через переводные и оригинальные рукописные повести XVII столетия, а также переводы произведений европейских сентименталистов. Разные по своему происхождению мотивы болезни от любви, похищения, скорби у могилы возлюбленной, исполнения арии / произнесения речи героем перед смертью закономерно объединяются общностью устремлений авторов рассматриваемых нами произведений, процессом кристаллизации жанра, поворотом к новым темам и новым героям, новым повествовательным техникам.

Сочетание европейской и русской сентиментальной традиций, слияние особенностей оригинальной и переводной повести в любовных произведениях конца XVIII — начала XIX века, рецептивно ориентированных на образец «Бедной Лизы», давали более полное представление о характере трансформации жанра сентиментальной повести и его роли в дальнейшем формировании отечественной беллетристики, а также обогащали представление о литературных тенденциях эпохи, в частности о складывании «срединной литературы». Заимствуя знакомые еще по рукописным оригинальным и переводным повестям XVII века мотивы, авторы рецептивных повестей встраивали их в заимствованный нарратив «Бедной Лизы» и варьировали, исходя из их собственного творческого замысла. Такая компилятивность могла негативно сказаться на художественности произведений, однако именно она послужила впоследствии толчком к развитию новой, реалистической повести, в которой использовался подобный прием построения нарратива, что позволило ей стать значимым звеном в процессе формирования русской беллетристической прозы. Анализ нарратива рецептивных повестей, вычленение из повествовательных формул отдельных мотивов, отделение семантических вариантов от контекста и поиск их источников помогли разобраться в основном приеме трансформации жанра — нанизывании разных по происхождению сюжетно-мотивных элементов в рамках карамзинской схемы повествования с целью насыщения содержательной и эмоциональной составляющей текстов.

Авторы-создатели рецептивных повестей рубежа XVIII–XIX веков дополнили ряд произведений литературы «второго» ряда, принципиально отличающейся от литературы массовой: отнесенные к «срединному пласту» литературного творчества, тексты строились с опорой на классическую традицию и с учетом требований современного читателя. Сохранение карамзинской биполярной структуры нарратива с основополагающей любовной линией, новаторский образ активного, чувствительного, сопереживающего персонажам, но не осуждающего их повествователя, вечная тема равенства и свободы всех людей перед лицом любви и смерти, малый объем повести, придававший насыщенному сюжету больший динамизм, сочетались с ориентацией на массовую аудиторию, стремлением авторов к увлекательности сюжета, развитием художественного восприятия и вкуса читателя.

Список источников

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. / подгот. Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков ; отв. ред. Э. В. Померанцева, К. В. Чистов. — М. : Наука, 1984–1985. — Т. 2–3. — 1985. — URL : <https://feb-web.ru/feb/skazki/default.asp?feb/skazki/texts/af0/af0.html> (дата обращения: 20.06.2024).
2. Берков П. Н., Малышев В. И. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века («Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии») // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы. — 1953. — Т. IX. — С. 408–426.
3. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. — М. : Высш. шк., 1989. — 404 с.
4. Гурвич И. А. Беллетристика в русской литературе XIX века. — М. : Изд. Рос. открытого ун-та, 1991. — 90 с.
5. Державина О. А. «Великое зеркало» и его судьба на русской почве. — М. : Наука, 1965. — 439 с.
6. Егерев Т. А. Актуальность Н. М. Карамзина и его наследия // Карамзинский сборник 2022. Николай Михайлович Карамзин: времен связующая нить. Из века XVIII в век XXI : сб. материалов Всерос. круглого стола / отв. ред. О. Н. Даранова. — Ульяновск : ОГБУК «Дворец книги», 2023. — С. 139–149.
7. Карамзин Н. М. Бедная Лиза // Сочинения : в 2 т. — Л. : Худож. лит., 1984. — Т. 1. — 671 с.
8. Кафанова О. Б. Культурный космос переводов Н. М. Карамзина: авторы, страны, континенты // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2017. — № 7 (184). — С. 150–157.
9. Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. — СПб. : Алетейя, 2020. — 356 с.
10. Кленова Ю. В. Классика, беллетристика, массовая литература: проблема границы // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2015. — Вып. 1–3, т. 17. — С. 687–691.
11. Комар Н. Г. Древнерусские духовно-нравственные ценности в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» // Ученые записки Казанского университета. Сер. «Гуманитарные науки». — 2017. — Т. 159, кн. 1. — С. 66–76.
12. Курешева Л. А. Сентиментальная нарративная проза о несчастливой любви (к мортальному разделу словаря сюжетов и мотивов русской литературы) // Сюжетология и сюжетография. — 2017. — № 2. — С. 14–57.
13. Лаппо-Данилевский К. Ю. Литературный трансфер Н. М. Карамзина // Slovene. — 2021. — Vol. 10, № 2. — С. 353–366. — Рец. на кн.: Кафанова О. Б. Переводы Н. М. Карамзина как культурный универсум. СПб. : Алетейя, 2020. 356 с.
14. Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России : исслед. и материалы / отв. ред. П. Р. Заборов. — Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. — 285 с.
15. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. — М. : Интелвак, 2001. — 1600 стб.
16. Маркович В. М. К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991. — С. 53–66.
17. Пашкуров А. Н., Разживин А. И. История русской литературы XVIII века : учеб. : в 2 ч. — Елабуга : ЕГПУ, 2011. — Ч. 2. — 448 с.
18. Русская сентиментальная повесть / сост., общ. ред., вступ. ст. и коммент. П. А. Орлова. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979. — 336 с.
19. Рынгач Т. Б. Монастырский тоpos в сентиментальных повестях конца XVIII — начала XIX века // Карамзинский сборник 2020–2021. Н. М. Карамзин и мир: прошлое, настоящее, будущее : сб. материалов Всерос. круглого стола и Всерос. науч.-практ. конф. — Ульяновск, 2021. — С. 55–61.
20. Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. — СПб., 1909. — Т. 1, вып. 1 : XVIII век. — 951 с.
21. Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы / под ред. Е. К. Ромодановской. — Новосибирск : Акад. изд-во «Гео», 2012. — 311 с.
22. Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина. Опыт прочтения: К двухсотлетию со дня выхода в свет. — М. : Изд. центр Рос. гос. гуманитарн. ун-та, 1995. — 509 с.
23. Черняк М. А. Массовая литература XX века : учеб. пособие. — М. : Флинта : Наука, 2007. — 524 с.

References

1. Afanasyev A. N. *Narodnyye russkiye skazki: v 3 t.* [Russian folk tales: in 3 vols.]. Prep. by L. G. Barag, N. V. Novikov; ed. by E. V. Pomerantseva, K. V. Chistov. Moscow, Nauka Publ., 1984–1985, vols. 2–3, 1985. Available at: <https://feb-web.ru/feb/skazki/default.asp?feb/skazki/texts/af0/af0.html> (accessed: 20.06.2024). (In Russian).

2. Berkov P. N., Malyshev V. I. Newly discovered fictional work of the first half of the 18th century ("The Tale of the Spanish nobleman Karl and his sister Sophia"). *Trudy otdela drevnerusskoy literatury Instituta russkoy literatury* [Transactions of the Department of Old Russian Literature of the Institute of Russian Literature]. 1953, vol. IX, pp. 408–426. (In Russian).
3. Veselovsky A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1989, 404 p. (In Russian).
4. Gurvich I. A. *Belletristika v russkoy literature XIX veka* [Belles-lettres in Russian literature of the 19th century]. Moscow, Russian Open Univ. Publ., 1991, 90 p. (In Russian).
5. Derzhavina O. A. "Velikoye zertsalo" i yego sudba na russkoy pochve ["The Great Mirror" and its fate on Russian soil]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 439 p. (In Russian).
6. Yegereva T. A. The Relevance of N. M. Karamzin and his heritage. *Karamzinskiy sbornik 2022. Nikolay Mikhaylovich Karamzin: vremen svyazuyushchaya nit. Iz veka XVIII v vek XXI: sb. materialov Vseros. kruglogo stola* [Karamzin Collection 2022. Nikolai Mikhailovich Karamzin: the Connecting Thread of Times. From the 18th Century to the 21st Century: coll. of materials of the All-Russian round table]. Ed. by O. N. Daranova. Ulyanovsk, OGBUK "Dvorets knigi" Publ., 2023, pp. 139–149. (In Russian).
7. Karamzin N. M. Poor Liza. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Leningrad, Khudozh. lit. Publ., 1984, vol. 1, 671 p. (In Russian).
8. Kafanova O. B. The cultural cosmos of N. M. Karamzin's translations: authors, countries, continents. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2017, iss. 7 (184), pp. 150–157. (In Russian).
9. Kafanova O. B. *Perevody N. M. Karamzina kak kulturnyy universum* [Translations of N. M. Karamzin as a cultural universe]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2020, 356 p. (In Russian).
10. Klenova Yu. V. Classics, fiction, popular literature: the problem of the borders. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2015, iss. 1-3, vol. 17, pp. 687–691. (In Russian).
11. Komar N. G. Old Russian spiritual and moral values in the story by N. M. Karamzin "Poor Liza". *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnyye nauki"*. [Scholarly notes of Kazan University. Ser. "Humanitarian research"]. 2017, vol. 159, bk. 1, pp. 66–76. (In Russian).
12. Kuryshcheva L. A. Sentimental narrative prose about unhappy love (to the mortal section of the dictionary of plots and motives of Russian literature). *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Plotology and plotography]. 2017, iss. 2, pp. 14–57. (In Russian).
13. Lappo-Danilevsky K. Yu. Literary transfer of N. M. Karamzin. *Slovene* [Slovene]. 2021, vol. 10, iss. 2, pp. 353–366. Review of the book: Kafanova O. B. Translations of N. M. Karamzin as a cultural universe. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2020, 356 p. (In Russian).
14. Levin Yu. D. *Vospriyatiye angliyskoy literatury v Rossii: issled. i materialy* [Perception of English Literature in Russia: research and materials]. Ed. by P. R. Zaborov. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad Branch, 1990, 285 p. (In Russian).
15. *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy* [Literary Encyclopedia of terms and concepts]. Ed. by A. N. Nikolyukin. Moscow, Intelvak Publ., 2001, 1,600 clmns. (In Russian).
16. Markovich V. M. On distinguishing between the concepts of "classics" and "fiction". *Klassika i sovremennost* [Classics and Modernity]. Moscow, Moscow State Univ. Publ., 1991, pp. 53–66. (In Russian).
17. Pashkurov A. N., Razzhivin A. I. *Istoriya russkoy literatury XVIII veka: ucheb.: v 2 ch.* [History of Russian Literature of the 18th Century: textbook: in 2 pts.]. Yelabuga, YeGPU Publ., 2011, pt. 2, 448 p. (In Russian).
18. *Russkaya sentimentalnaya povest* [Russian sentimental story]. Comp., ed., intr. and comment. by P. A. Orlov. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1979, 336 p. (In Russian).
19. Ryngach T. B. Monastic topos in sentimental stories of the late 18th — early 19th centuries. *Karamzinskiy sbornik 2020–2021. N. M. Karamzin i mir: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye: sb. materialov Vseros. kruglogo stola i Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Karamzin collection 2020–2021. N. M. Karamzin and the world: past, present, future: collection of materials of the All-Russian round table and the All-Russian scientific and practical conference]. Ulyanovsk, 2021, pp. 55–61. (In Russian).
20. Sipovsky V. V. *Ocherki iz istorii russkogo romana* [Essays on History of the Russian Novel]. St. Petersburg, 1909, vol. 1, iss. 1: 18th century, 951 p. (In Russian).
21. *Syuzhetno-motivnyye komplekсы russkoy literatury* [Plot-motive complexes in Russian literature]. Ed. by E. K. Romodanovskaya. Novosibirsk, "Geo" Academic Publ., 2012, 311 p. (In Russian).
22. Toporov V. N. "Bednaya Liza" Karamzina. *Opyt prochteniya: K dvukhsotletiyu so dnya vykhoda v svet* ["Poor Liza" by Karamzin. Reader's experience: On the bicentennial of its publication]. Moscow, Russian State Univ. for the Humanities, 1995, 509 p. (In Russian).
23. Chernyak M. A. *Massovaya literatura XX veka: ucheb. posobiye* [Mass literature of the 20th century: a teaching guide]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2007, 524 p. (In Russian).

Информация об авторах

Решетова Анна Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой литературы и журналистики Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: словесность Древней Руси, путевая литература Древней Руси и XVIII века, связи словесности Древней Руси с литературой последующих столетий, региональное литературоведение и проблемы литературной рецепции.

Рынгач Татьяна Борисовна — учитель литературы, родной литературы, родного языка, русского языка школы № 39 «Центр физико-математического образования» города Рязани.

Сфера научных интересов: русская литература XVIII века, сентиментальная беллетристика, творчество Н. М. Карамзина.

Information about the authors

Reshetova Anna Anatolyevna — doctor of philology, professor, head of the Department of Literature and Journalism, Ryazan State University named for S. A. Yesenin.

Research interests: literature of Ancient Rus', travel writing in Ancient Rus' and 18th century, relations of literature of Ancient Rus' and later literature, regional literary criticism and issues of literary reception.

Ryngach Tatyana Borisovna — teacher of literature, Russian language and literature at Secondary School no. 39 "Center for Physical and Mathematical Education" of the city of Ryazan.

Research interests: Russian literature of the 18th century, sentimental fiction, work of N. M. Karamzin.

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; принята к публикации 19.09.2024.

The article was submitted 15.07.2024; accepted for publication 19.09.2024.